

Садек
Хедаят

Слепая сова

Санкт-Петербург

УДК 821.222.1
ББК 84(5Ирн)-44
X 35

هدایت صادق
کور بوف

Перевод с персидского Анны Розенфельд
Серийное оформление и оформление обложки
Вадима Пожидаева-мл.

Хедаят С.

X 35 Слепая сова : повести и рассказы / Садек Хедаят ; пер. с перс. А. Розенфельд. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2025. — 256 с. — (Изыщная классика Востока).

ISBN 978-5-389-29078-5

«Слепая сова» — opus magnum в творчестве выдающегося иранского писателя Садека Хедаята. Автор начал эту повесть еще в дни своей учебы во Франции, а закончил и опубликовал в Индии, спустя почти десять лет. Сюрреалистическое повествование о художнике с разбитым сердцем, которого во снах преследует тень совы и в чью реальность проникают странные люди, будто посланцы с того света, — женщина с бездонными глазами и старый дервиш с лающим смехом... «Слепая сова» быстро завоевала признание в литературных кругах Европы и стала лучшим произведением иранской литературы XX века.

В настоящее издание помимо заглавной повести вошли рассказы Садека Хедаята — «Бродяга Аколь», «Завтра...», «Патриот», «Хаджи Морад» и сатирическая пьеса «Легенда о сотворении мира».

УДК 821.222.1
ББК 84(5Ирн)-44

© А. З. Розенфельд (наследники), перевод, 2025
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2025
Издательство Азбука®

ISBN 978-5-389-29078-5

Автобиография

Я так боюсь своей биографии, как боюсь американской агитации. Кому нужно знать дату моего рождения? Если для того, чтобы выяснить мою счастливую звезду, то это должно интересовать лишь меня самого, хотя не секрет, что я несколько раз обращался к звездочетам, но их предсказания всегда оказывались неверными. Если это интересно читателям, то прежде всего нужно обратиться к общественному мнению, так как если я буду забегать вперед, то люди могут подумать, что я придаю значение глупейшим фактам моей биографии. Существует множество деталей, связанных с нами самими, о которых мы любим судить по оценкам других людей, поэтому обращение к их мнению мне кажется более подходящим.

Например, мою мерку лучше знает портной, который шьет мне платье, сапожник на углу лучше знает, в каком месте рвется у меня башмак. Все подобные рассуждения напоминают мне кон-

ный базар, где продают старую клячу и, чтобы завлечь покупателей, громким голосом расхваливают ее возраст и положительные качества.

Вообще, в моей биографии нет ничего выдающегося. Ничего заслуживающего внимания в моей жизни не произошло, я не имею ни важного чина, ни солидного диплома. В школе я никогда не был блестящим учеником, напротив, меня преследовали неудачи.

Где бы я ни работал, я всегда оставался безвестным, забытым служащим и начальство было мною недовольно. Если я подавал в отставку, оно только радовалось.

Вообще же я существо забытое, никчемное. Таково обо мне мнение окружающих, может быть, это и правильно.

В жизни есть муки, которые, как проказа, медленно гложут и разъедают душу изнутри. Об этих муках никому не поведаешь: большинство людей считает подобные страдания случайными или исключительными, редкими, а если кто и напишет о них или расскажет, то люди в соответствии с общепринятыми представлениями и собственными воззрениями воспримут это с насмешкой. Ведь человечество не нашло еще никаких средств, никаких лекарств против страданий и единственный способ забыться видит в вине и искусственном сне, который дают опиум или другие наркотики. Увы, действие подобных средств временно, и после некоторого облегчения и успокоения боль лишь усиливается. Но можно ли вообще постичь тайну этих неясных, необъяснимых чувств, это сумеречное состояние, появляющееся между смертью и воскресением, между сном и пробуждением?

Я хочу лишь поведать об одном случае, происшедшем со мной и так потрясшем меня, что мысли о нем не покидают моего сознания: отвратительная рана от него, пока я жив, хотя это и трудно объяснить, будет постоянно отравлять своим ядом мое существование. Я написал: «своим ядом», но на самом деле хотел сказать, что это клеймо я всегда ношу и буду носить на себе.

Я постараюсь воспроизвести все, что сохранила моя память, все, что связано с этим событием, и тогда, возможно, мне удастся навсегда покончить с этим. Нет, я хочу лишь сам увериться в этом, поверить в то, что произошло. Ведь для меня не имеет никакого значения, поверят ли мне другие. Я только боюсь, что завтра умру, так и не познав самого себя. Из опыта своей жизни я понял, какая страшная пропасть лежит между мною и другими людьми, я понял, что нужно молчать, насколько это возможно, нужно скрывать свои мысли, где только можно, и если теперь я решился писать, то лишь для того, чтобы представить себя своей тени, той тени, которая согнулась на стене, готовая поглотить все, что я ни напишу. Ради нее. Потому что я хочу увидеть, сможем ли мы понять друг друга. Потому что с тех пор, как я порвал все отношения с людьми, я хочу лучше познать самого себя.

Все это ерунда! Пусть! Больше всего меня мучит один вопрос: неужели эти люди, которые похожи на меня, которые имеют те же потребности

и те же желания, что и я, неужели они существуют не только для того, чтобы меня обманывать? Неужели это не тени, появившиеся на свет лишь для того, чтобы издеваться надо мной и обманывать меня? Неужели все, что я чувствую, вижу, анализирую, разве все это с самого начала до конца не фантазия, которая так не похожа на жизнь?

Я пишу лишь для своей тени, которая появляется на стене при свете лампы: я должен познакомиться ее с собой.

В этом гнусном, нищем мире мне, я думаю, впервые блеснул луч солнца. Но, увы, это не был солнечный луч, а лишь призрачный свет, падающая звезда, которая явилась мне в образе женщины или ангела, и в отблеске ее я на мгновение, на секунду увидел все несчастья своей жизни, постиг свою жизнь во всем ее величии, — и сразу же этот свет, как это и должно было случиться, исчез в пучине мрака. Нет, я не смог удержать этот призрачный луч.

Прошло три месяца, нет, два месяца и четыре дня, с тех пор как я потерял ее след, но воспоминание о ее колдовских глазах, или, вернее, о губительной искре в ее глазах, осталось навсегда. Как я могу ее забыть, если она так связана с моей жизнью?

Нет, я никогда не упомяну ее имени, потому что ее легкий, сотканный из тумана тонкий стан, ее блестящие удивленные глаза, из-за которых жизнь

моя потихоньку плавилась и сгорала, не имели никакого отношения к этому гнусному, жестокому миру. Нет, ее имя не следует смешивать ни с чем земным.

Из-за нее я совсем отошел от людей, от всех этих глупцов и счастливцев, и стал искать спасения в вине и опиуме. Жизнь моя заключена в четырех стенах моей комнаты.

Все дни я был занят разрисовыванием пеналов. Все время я разрисовывал пеналы, пил вино, курил опиум. Я выбрал для себя это смешное занятие — разрисовывание пеналов, чтобы забыться, чтобы хоть как-нибудь убить время.

По счастливой случайности мой дом находится за городом, в тихой и спокойной местности, вдали от людских треволнений и суеты. Вокруг пустынно, всюду развалины. Лишь по другую сторону рва, где видны ямы, из которых брали землю для глинобитных покосившихся домишек, начинается город.

Не знаю, какой безумец или глупец в незапамятные времена построил эти дома. Когда закрываю глаза, я не только вижу все выбоины и дыры на их стенах, но и ощущаю на своих плечах всю их тяжесть. Такие дома можно увидеть лишь на старинных пеналах. Все это нужно описать, чтобы для меня самого не осталось ничего неясного, я все должен объяснить своей тени, которая падает на стену. Да, прежде для меня была лишь одна ра-

дось, лишь одно меня радовало. Я рисовал на пеналах в четырех стенах своей комнаты, проводил все свое время за этим смехотворным занятием. Но с тех самых пор, как я увидел те глаза, после того, как я увидел ее, для меня исчезло все — смысл, цена любого движения или жеста.

И удивительнее, невероятнее всего то, что я и сам не понимаю, почему содержание всех моих рисунков с самого начала было одним и тем же. Я всегда рисовал кипарис, под которым, поджав ноги, завернувшись в плащ, сидит горбатый старик, похожий на индийского йога. На его голове тюрбан, указательный палец левой руки он приложил к губам в знак удивления. Какая-то высокая девушка в черном, склонившись, подает ему цветок лотоса. Их разделяет ручей. Видел ли я когда-нибудь прежде эту сцену? Посетило ли это видение меня во сне? Не знаю! Знаю лишь, что, сколько бы я ни рисовал, это всегда была та же сцена, тот же сюжет. Рука сама, непроизвольно рисовала эту картину. И как ни странно, находились покупатели, а с помощью своего дяди с материнской стороны я отправлял эти пеналы даже в Индию, он продавал их и высылал мне деньги.

Эта сцена кажется мне и близкой, и далекой. Я смутно припоминаю... Теперь я хорошо вспомнил этот случай. Я решил: нужно написать свои воспоминания. Но это произошло много позже и не имеет связи с моей темой. Из-за случившегося

я совершенно забросил живопись. Минули два месяца, нет, точнее — два месяца и четыре дня. Был тринадцатый день после ноуруза. Все люди бросились за город. Я закрыл окно своей комнаты, чтобы спокойно заняться рисованием. Перед заходом солнца, когда я увлекся рисунком, неожиданно открылась дверь и появился мой дядя. Раньше я его никогда не видел: с самой ранней юности он уехал путешествовать в дальние края; как будто он был капитаном корабля. Я подумал, что у него ко мне какие-то торговые дела, так как слышал, что он занимается и торговлей. Во всяком случае, мой дядя оказался сгорбленным стариком с индийским тюрбаном на голове. На плечах его был рыжий рваный халат, голова и лицо замотаны шарфом, ворот рубашки расстегнут, и из него виднелась волосатая грудь. Его редкую бороденку, которая торчала из шарфа, нетрудно было пересчитать по волоску. У него были гноящиеся веки и заячья губа. Дядя как-то отдаленно и смешно походил на меня, словно это была моя фотография, отраженная в кривом зеркале. Я всегда представлял себе отца именно таким...

Дядя вошел и уселся в сторонке, поджав ноги. Я подумал, что его нужно чем-нибудь угостить. Я зажег лампу и вошел в находившуюся рядом с комнатой темную кладовку. Я обшарил все углы, надеясь найти что-нибудь пригодное для угощения, хотя хорошо знал, что в доме шаром покати —

не оставалось ни вина, ни опиума. Неожиданно мой взгляд упал на полку. Меня словно осенило. Я увидел бутылку старого вина, доставшуюся мне в наследство. Кажется, это вино было налито по случаю моего рождения. Я никогда его не пробовал и совершенно забыл, что у меня в доме есть такая вещь. Чтобы достать бутылку, я подставил табурет, который был в кладовой. Неожиданно я взглянул через оконце наружу. Я увидел сгорбленного старика, сидящего под кипарисом, перед ним стояла молодая девушка — нет, небесный ангел — и, склонившись, протягивала ему правой рукой голубой цветок лотоса. Старик грыз ноготь указательного пальца левой руки.

Девушка стояла прямо против меня. Казалось, она не обращает никакого внимания на окружающее. Она смотрела, ничего не видя. На ее губах застыла непроизвольная, растерянная улыбка, словно она думала о ком-то отсутствующем.

Я увидел эти колдовские, страшные глаза, глаза, смотрящие на человека с горьким упреком, глаза, встревоженные чем-то, удивленные, угрожающие и обещающие, — и лучи моей жизни смешались с этими сверкающими алмазами, полными смысла, и подчинились им. Этот манящий взор настолько приковал к себе все мое существо, насколько это может представить человеческое воображение. Эти туркменские раскосые глаза, обладавшие каким-то сверхъестественным и опья-

няющим блеском! Они пугали и манили, словно видели что-то страшное и чудесное, что не дано было видеть каждому. У нее были выступающие скулы, высокий лоб, тонкие сросшиеся брови, полные полуоткрытые губы, которые, казалось, только что оторвались от долгого, страстного, но не насытившего их поцелуя. Спутанные черные волосы обрамляли ее прелестное лицо, несколько локонов прикрывали виски. Нежность ее тела, небрежность и легкость движений свидетельствовали о ее эфемерности.

Лишь у индийской танцовщицы из языческого храма могли быть такие плавные ритмичные движения. Печальный вид, удивительное соединение радости и грусти отличали ее от обычных людей. Красота ее не была привычной, и вся она представлялась мне волшебным видением, возникшим в воображении человека, одурманенного опиумом...

Она возбуждала во мне такую же любовную страсть, какую рождает вид мандрагоры. В ее стройной, тонкой фигуре, удивительно гармоничной, линия плеч, рук и груди плавно продолжалась вниз, к ногам. Казалось, что только сейчас она выскользнула из чьих-то объятий, напоминая женский корень мандрагоры, отделившийся от своей пары.

На девушке было черное мятое платье, плотно охватывавшее ее хрупкую фигуру. Когда я на нее взглянул, она пыталась перепрыгнуть через ручей,

который отделял ее от старика, но не смогла. В этот момент старик засмеялся. Это был сухой, резкий смех, от него пробегали мурашки по телу. Он смеялся громко, саркастически, не меняя выражения лица, словно это был не смех, а его отражение.

Держа в руках бутылку с вином, в волнении я спрыгнул с табуретки на пол. Меня охватила непонятная дрожь. Это была дрожь страха, смешанного с наслаждением, словно я пробудился от приятного и страшного сна. Я поставил бутылку на пол и сжал голову руками. Сколько прошло минут, часов? Не знаю. Очнувшись, я поднял бутылку с вином и вошел в комнату. Дяди уже не было, и дверь осталась открытой, как рот мертвеца... Однако звук сухого смеха старика до сих пор стоит у меня в ушах.

Темнело, лампа коптила, я все еще ощущал приятную и жуткую дрожь. С этого момента жизнь моя изменилась. Одного взгляда было достаточно для того, чтобы этот небесный ангел, это эфирное создание произвело на меня такое невообразимо сильное впечатление. Я был ошеломлен. Казалось, я раньше знал ее имя. Все было мне знакомо: блеск ее глаз, весь облик, запах, движения. Словно когда-то прежде, в воображаемом мире, я двигался рядом с ней и мы были одного корня, созданы из одного куска и должны были соединиться. В этом мире я должен был находиться близ нее, но не хотел ее касаться: достаточно было и тех невидимых

лучей, которые исходили от нас. Разве то странное, что случилось со мной, разве то, что с первого же взгляда она показалась мне знакомой, не происходит постоянно между влюбленными, которым кажется, что они прежде встречались, что между ними существует какая-то таинственная связь? В этом мерзком мире я жаждал либо ее любви, либо ничьей. Неужели кто-то другой мог произвести на меня такое же впечатление? Но этот сухой и резкий смех старика... Этот зловещий смех разорвал между нами связь.

Всю ночь я думал об этом. Сколько раз я хотел взглянуть в оконце, но боялся услышать смех старика. Это желание не покидало меня и на следующий день. Да и мог ли я отказаться от того, чтобы ее увидеть? Наконец на следующий день я, дрожа от страха, решился водворить бутылку с вином на прежнее место, но, когда я отбросил занавеску в кладовой, я увидел стену, черную стену, такую, как моя жизнь. Нигде не было видно ни щелки, ни малейшего отверстия. Четырехугольное оконце отсутствовало, оно слилось со стеной, и казалось, никогда никакого отверстия здесь не было. Я взобрался на табурет, но, сколько я ни бил, как безумный, кулаками по стене, сколько ни прислушивался, ни изучал ее при свете лампы, я не обнаружил никакого отверстия, мои удары не оказывали и малейшего воздействия на толстую, тяжелую кладку. Она была как свинцовая.

Мог ли я успокоиться на этом? Ведь это было не в моих силах! Впоследствии сколько я ни искал, сколько ни подкарауливал, сколько ни ждал — все было напрасно. Я обследовал все вокруг не один и не два дня, а два месяца и четыре дня, как убийца, упорно приходящий к месту преступления, каждый вечер перед закатом солнца, как курица с оторванной головой кружит на одном месте, я ходил вокруг дома. Я изучил все камни, все пески в окрестностях, но не обнаружил никаких следов кипариса, ручья и тех людей, которых я видел здесь. Много ночей простоял я на коленях на земле, моля деревья, камни, луну, ту луну, на которую, возможно, смотрела и она. Я взывал ко всему живому о помощи, но не мог отыскать ни малейшего ее следа. Наконец я понял, что все это напрасно: ведь у нее не могло быть никакой связи с реальностью. Например, вода, которой она мыла свои косы, могла быть только из редкостного, неизвестного источника или вытекать из волшебной пещеры; ее одежды не были сотканы из обычного хлопка или шерсти, их не шили руки из плоти и крови, обыкновенные человеческие руки. Я был уверен, что тот цветок лотоса не был простым цветком и что, если обрызгать ее лицо обычной водой, оно бы сморщилось, а если бы она своими длинными нежными пальцами коснулась обычного лотоса, пальцы ее увяли бы, как лепесток розы.

Все это я понял. Эта девушка — нет, этот ангел — была для меня источником несказанного удивления и вдохновения. Она возбудила во мне чувство преклонения. Я уверен, что под взглядом чужого, обыкновенного человека она бы поникла и увяла.

С тех пор, как я ее потерял, с тех пор, как передо мной возникла сырая стена, тяжелая, как свинец, и глухая, я понял, что жизнь моя навсегда потеряла смысл, ведь ласка ее взгляда и глубокое наслаждение, которое я испытал при виде ее, были безответными, потому что она не видела меня. Я же остро нуждался в ее глазах, и одного лишь взгляда ее было бы достаточно, чтобы разрешить все мучившие меня вопросы, все загадки божественного вдохновения. От одного лишь ее взгляда для меня перестали бы существовать любые тайны.

С этого времени я стал больше употреблять опиума и вина, но, увы, эти средства безнадежности не парализовали мои мысли, не давали мне забытья, и, напротив, день ото дня, час от часу, минута за минутой ее образ — фигуру, черты лица — все ярче рисовало мое воображение.

Как я смогу ее забыть? Были ли мои глаза открыты или сомкнуты, бодрствовал ли я или спал, она стояла передо мной. Подобно черной ночи, обволакивающей сознание, мозг, постоянно она являлась мне в проеме двери, ведущей в кладовую, в квадрате окна, выходившего на улицу.

Мне опротивело спокойствие. Как я мог обрести покой? У меня вошло в привычку каждый день перед заходом солнца совершать прогулку. Не знаю, почему я был уверен, почему упорствовал в том, что смогу найти ручей, кипарис и цветы лотоса? Я пристрастился к этим прогулкам так же, как к опиуму. Словно меня что-то тянуло. Всю дорогу я думал только о ней. Я вспоминал, как впервые увидел ее, искал то место, где она была в тринадцатый день после ноуруза. Если бы я ее нашел, если бы я смог посидеть под тем кипарисом, несомненно в душе моей наступил бы покой.

Увы, там не было ничего, кроме мусора, раскаленного песка и гниющих, зловонных ребер дохлых собак и лошадей. Неужели я действительно с ней встречался? Нет, я лишь воровски, тайком, сквозь злосчастное отверстие в стене моего чулана увидел ее. Я испытывал те же чувства, что и голодная собака, которая вынюхивает и роется в кучах мусора, но, когда приносят корзину с отбросами, в страхе убегает и где-то прячется, а потом возвращается, чтобы отыскать в них лакомый кусочек. Однако то оконце для меня захлопнулось. И девушка казалась мне букетом свежих роз, брошенных на мусорную кучу.

В ту последнюю ночь, когда я, как обычно, вышел на прогулку, было пасмурно и дождливо, все окутывал густой туман. В такую пасмурную погоду исчезают ядовитость красок и резкость очер-

таний предметов. И неожиданно во мне возникло чувство свободы и покоя, как будто дождь смыл все мои мрачные мысли. В ту ночь случилось невероятное. Бесцельно бродя в эти часы, в эти минуты одиночества, которые трудно сказать сколько длились, я вдруг отчетливее, чем всегда, увидел ее нежное и жуткое лицо, словно оно выглянуло из-за облака или сквозь дым, безжизненное, как изображение на пенале, лицо.

Когда я вернулся, вероятно, прошла уже бо́льшая часть ночи и туман настолько сгустился, что ничего не было видно под ногами. Какое-то особое чувство мне подсказало, что здесь кто-то есть. Действительно, на саку я обнаружил фигуру в черном, фигуру женщины.

Я зажег спичку, чтобы найти замочную скважину, и, не знаю почему, взглянул на фигуру в черном: я увидел два удлинённых глаза, два больших черных глаза на худом, тонком и бледном лице. Я узнал эти глаза, которые смотрят на человека, не видя его. Если бы я раньше не видел ее, я все равно бы ее узнал. Нет, я не заблуждался: эта фигура в черном была она! Я был похож на человека, который видит сон, знает, что это сон, хочет проснуться и не может. Совершенно ошеломленный, я замер на месте. Спичка догорела до конца и обожгла мне пальцы, в этот момент я пришел в себя. Я повернул ключ в замке, и дверь открылась. Я пропустил ее вперед. Подобно человеку, знавшему доро-

гу, она поднялась с саку и вошла в темный коридор. Она открыла дверь в комнату, и я последовал за ней. Волнуясь, я зажег лампу и увидел, что она направилась к моей кровати и легла. Лицо ее было в тени. Я не знал, видит ли она меня, слышит ли мой голос. Казалось, она не испытывает ни чувства страха, ни желания сопротивляться. Было похоже на то, что она пришла сюда помимо своей воли.

Может быть, она больна или заблудилась? Бессознательно, как во сне, она забрела сюда. Никто не может себе представить, что я испытывал в это мгновение. Это была какая-то сладостная мука, о которой трудно рассказать. Нет, я не ошибался. Это была та самая женщина, та самая девушка. Нисколько не смущаясь, безмолвно вошла она в мою комнату. Я всегда представлял себе, что наша встреча именно так и произойдет. Это было похоже на какой-то глубокий, бесконечный сон. Да, лишь погрузившись в глубокий сон, можно было увидеть такое. Это молчание имело для меня значение вечности, потому что в вечности нет места словам.

Для меня она была обычной женщиной, и в то же время в ней было нечто отличающее ее от всех людей, нечто нереальное. Ее лицо заставляло вспомнить что-то волнующее, уже забытое в лицах других людей. При созерцании его дрожь охватывала тело и слабели колени. В это мгновение в моем мозгу промелькнули все тягостные события мо-

Литературно-художественное издание / Эдеби-көркем басылым

САДЕК ХЕДАЯТ
СЛЕПАЯ СОВА

Ответственный редактор Екатерина Дубянская
Художественный редактор Вадим Пожидаев-мл.
Технический редактор Мария Антипова
Компьютерная верстка Михаила Львова
Корректоры Ольга Попова, Наталья Бобкова

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 28.04.2025.
Формат издания 76 × 100 1/32. Печать офсетная. Тираж 3000 экз.
Усл. печ. л. 11,28. Заказ №

Изготовитель: ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА*,
115093, Москва, вн. тер. г.
муниципальный округ Даниловский,
пер. Партийный, д. 1, к. 25
Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru

Филиал ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“» в г. Санкт-Петербурге,
191024, Санкт-Петербург,
Херсонская ул., д. 12–14, лит. А
Тел. (812) 327-04-55
E-mail: trade@azbooka.spb.ru

www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru
Отпечатано в России.

Өндіруші: «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“» ЖШҚ —
АЗБУКА* тауар белгісінің иесі,
115093, Мәскеу, қ. іш. аум.
Даниловский муниципалдық округі,
Партийный т.ш., 1-үй, к. 25
Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru

Санкт-Петербург қ. «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“» ЖШҚ филиалы,
191024, Санкт-Петербург,
Херсон көшесі, 12–14 үй, лит. А
Тел. (812) 327-04-55
E-mail: trade@azbooka.spb.ru

www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru
Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін
растау туралы мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады:
<http://atticus-group.ru/certification/>.

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі
(29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».

170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

A-CEL-38194-01-R